Муж-дурак

Жили в одной деревне мужик да баба. Мужик-от уж женился не молод, а баба его была многим моложе. Мужик был простой души человек, так скажи — глупой. Детей они не имели. Держали они скотинки одну корову да бычка. Один человек, прибылой в деревню, и повадился к ним покупать молоко. Баба мужика-то своего мучила все на работе, а сама больше была дома. Человек, за молоком-то который ходил, был усатый, красивый; и как придет по молоко, начинает с бабой разговаривать. Баба-то его и полюбила.

Вот он и начал научать бабу: «Посылай своего мужика в Питер, там он дойдет до дела, таких умных там любят». Вот баба и навязалась на своего мужика: «Иди да иди в Питер, — говорила она, — гляди: все люди туда идут, там дойдешь до дела, за свой ум будешь счастлив, и меня туда достанешь».

Мужик бабы своей боялся и повиновался во всем. Живо собрался в Питер. Надел котомочку с хлебом за плечо и пошел. Время-то было зимнее. Мужик шел, шел, прошел много уж деревень, лаптишки изорвал, измерз в худой-то одежде да и заворотился домой.

Пришел он домой-то уж ночью, в лютый мороз, и стукается. Баба вышла да и ворчит: «Кто же тут в эдакую поздеть?» А с бабой-то спал усач-от тот. Мужик и говорит: «Ой, баба, пропусти, иззяб весь!» — «Да это какой тут мужик? У меня свой мужик дома! Мужик, мужик! Ступай сюда скорее, гляди-ко, там кто-то пришел да бабу какую-то спрашивает». Усач тот выскочил и кричит: «Кто тут? Чего надо? Хочешь дубину в лоб!»

Видит мужик, что тут не пустят, и пошел к попу проситься ночевать. А поп-от ему был крестный, и он благословил его в дорогу-то. «Крестный, крестный!» — прибежал мужик и стукается: «Крестный, пусти, изгинул!» — «Что, господи благослови, — говорит поп попадье, — да ведь это крестник».

Делать нечего, поп встал и вышел в сени. «Крестник?» — «Я, крестник». — «Да что, благословясь, откуда ты явился?» — «Да воротился, крестный, не мог до Питера-то дойти». — «Так что домой-то не идешь?» — «Да баба меня не пускает домой-то, говорит, что мужик-от у меня дома, а и верно, там у нее есть какой-то мужик, ругал еще меня». Попадья тут и замолилась: «Ой,

батька, ради бога, не пускай, ведь леший пришел!» — «Ой, ведь я босой, изгину, лапти-то на мне изорвались, все пальцы отморозил», — заревел мужик. «Леший, леший, не пускай! — одно твердит попадья. — Уж ежели он босой, так унеси его, батько, к кумину-то дому, а не пускай!»

Поп видит, что делать нечего, придется нести. «Что, господи благослови, какой тут леший, — сказал поп и отпер двери, — ну-ко, садись давай!» Мужик сел. А поп-от был дюжий: живо дотащил до дома и стукается: «Кума, кума, отопри, что мужика-то не пускаешь?» — «Ой, что, кум, какого мужика не пускаю?» — «Да своего-то, ведь он изгинул, вот я его принес сюда». — «Дома у меня свой мужик, вон на печи лежит». А усач с печи и говорит: «Что тут за беспокойство, да ведь я дома!»

Голос-от у усача был похож на мужиков. Поп как бросит тут мужика в сумет вниз головой, а сам опрометью домой: «Верно, мати, ты говорила, что не надо было пускать, ведь верно лешего унес! Эх, господи, благослови!»

А мужика домой, конечно, не пустили. Поревел, поревел да и пошел во хлев спать. Лег там меж коровой да бычком и так проспал до утра, не замерз совсем-то.

Рано утром усач уходит. Народ уж заходил по слободе, и старик стал вылезать из хлева и пришел в избу. «Ой, баба, баба, что ты ночесь меня не пустила? Я стукался, ведь я чуть не замерз!» — «У! Откуда ты взялся? Когда стукался? Не слыхала... Ты не в обмороке ли уж был в каком? Да ты где ночевал-то?»» — «Во хлеве ночевал-то я, с бычком, тепло было»». Баба и руками схлопала: «С быком спал! Мужик, да ведь ты уходился!». — «Неужели?» — «Да, иди в другую деревню телиться-то». Мужик поверил всему и пошел опять.

Деревня от ихней была далеко. Он опоздал и пришел уж на сонных хозяев. Мужик во всю жизнь не нашивал сапог, а тут на дороге нашел сапоги да и взял. А в сапогах-то примерзли человечьи ноги. Пришел мужик в деревню и стукается: «Добрые хозяева, пустите переночевать!» Народ в этой деревне жил добрый, и его пустили. «Ежели не надо огонька, — сказал хозяин,— так ползи скорее на печь». Он сказал, что не надо, влез на печь и уснул крепко.

У хозяев же в эту ночь отелилась коровушка, принесла телушку. Телушку отогревать принесли в избу и повалили на печь, неподалеку от мужика. Хозяева потом со спокоем уснули, а мужик-то проснулся, и упади у него рука прямо на телушку! «Ну, слава богу, видно, уж отелился я», — подумал

он. Тут мужик чиркнул спичку и оглядел теленка. Увидал, что телушка пестрая.

Мужик на радостях вытряхнул из сапог ноги (они на печи-то оттаяли), обулся и тихонько вышел из избы. Хозяева ничего этого не слыхали.

Приходит домой к бабе: «У! Что скоро сходил? Отелился, что ли?» — «Отелился». — «Так хоть что принес-то?» — «А телушку пеструю, баба, хорошую». — «Неужели? А у нас корова-то ну-ко носит все быков! Сходи, мужик, может, добрые хозяева-то отдадут тебе телушку-то, а надо бы нам», — говорит баба. «Добрые, — говорит мужик, — добрые хозяева-то, хоть и ночью пришел, а заметил, что добрые». — «Так сходи, мужик». И мужик опять пошел.

А хозяева те уж под караулом, за ноги те за человечьи, старик-от которые оставил.

Приходит мужик и говорит: «Отдайте мне телушку, я сегодня ночью отелился у вас... Корова-то у нас не носила телушек, так нам бы и надо... Отдайте». — «Так ты сегодня ночью и ночевал у нас?» — спросил хозяин. «Я», — ответил мужик. «Так ты и ноги человечьи оставил на печи-то?» — «Я, я! Сапоги я на дороге нашел, в жизнь я их не нашивал, так и взял, а в них ноги и были; на печи-то они оттаяли да и вывалились».

Мужика тут и забрали, хозяева оправдались.

Так мужика и спечаловала баба: его посадили в острог.

Едемский М. 17 сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1905-1908 гг. — Живая старина. 1914 (1912). Вып. 2-4.